РАЗДЕЛ XXXVI. ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Касимов Р.Н.

Некоторые элементы традиционного мифологического сознания, бытующие в
субкультуре поисковых отрядов

УдмФИЦ УрО РАН
(Россия, Ижевск)

doi: 10.18411/trnio-10-2021-157

Аннотация

Прошедшие события и факты любой, без исключения, военной кампании заботливо окружают «мифологической пеленой» с разных сторон: военные специалисты и политики, журналисты, профессиональные учёные, самодеятельные краеведы. Когда речь заходит про историю Великой Отечественной войны к этому списку добавляются и энтузиасты «красные следопыты» – активисты многочисленных поисковых отрядов. Такая работа представляет интерес не только для педагогов и общественных организаций патриотической направленности, но и для профессиональных историков, в том числе, историков-этнологов, фольклористов. Вместе с тем, фундаментальных работ, которые рассматривали бы проявления уникальной их субкультуры, с точки зрения современной социальной мифологии и классической этнографии, практически нет. Автор на примере некоторых аспектов выявленного сохраняющегося мифологического сознания, связанного с поисковыми быличками – краткими мистическими рассказами, рассматривает поисковую субкультуру с точки зрения историка-этнолога. В качестве иллюстративного материала в тексте статьи приводятся отдельные истории от членов поискового отряда «Новый Феникс» (г. Глазов, Удмуртская Республика), записанные в период с 1999 г. по 2005 г. и более поздние тексты интервью.

Ключевые слова: поисковое движение в Удмуртии, поисковый отряд «Новый Феникс», современная мифология, история Великой Отечественной войны, военная археология, неофольклорная проза, поисковые былички.

Abstract

Past events and facts of any, without exception, wars are carefully surrounded by a "mythological veil" from different sides: politicians, journalists, professional scientists, amateur local historians. When it comes to the history of the Great Patriotic War, enthusiasts "red trackers" are added to this list - activists of numerous search squads. Such work is of interest not only for teachers and public organizations of a patriotic orientation, but also for professional historians, including historians-ethnologists, folklorists. At the same time, there are practically no fundamental works that would consider the manifestations of the unique subculture of search engines from the point of view of modern social mythology. Using the example of some aspects of the persisting mythological consciousness associated with search bylichs, the author examines the search subculture from the point of view of an ethnologist-historian. As an illustrative material, the text of the article cites the stories of members of the "New Phoenix" search group (Glazov, Udmurt Republic), recorded in the period from 1999 to 2005. The work also uses later interview texts.

Keywords: search movement in Udmurtia, search group "New Phoenix", modern mythology, history of the Great Patriotic War, military archeology, neo-folklore prose, search stories.

22 июня 2021 года наша страна вспоминала о трагической дате. 80 лет назад, летом 1941 года началась война с фашистской Германией. Сегодня память о Великой Отечественной войне, как последней «большой войне» XX века - это классический образец

построения мифологемы социальной и политической мифологии. Военная составляющая такой мифологии представлена «рядом охранительных, консервативных тенденций: удержание территории, сохранение культуры, возвращение утраченных позиций на мировой арене и т.д. Хорошо известно, что никакая воюющая армия не может обойтись без идеологии, а идеология, в свою очередь, - без опоры на мифологию, поскольку только концептуальная глубина мифа в состоянии обеспечить эффективность идеологического влияния на общество и армию. И напротив, раздробленность, измельченность, противоречивость, информационная избыточность мифотворческого потока сегодня используется как средство информационного противоборства, которое представляет не менее серьезную угрозу для современных армий, чем оружие массового поражения» [1].

Помнить о героях и жертвах той страшной войны, сохранять память о трудной победе людям сегодняшнего времени важно для сохранения мира и спокойной жизни всего человечества. В СССР первые организованные (формализованные) поисковые отряды по поиску и перезахоронению бойцов Красной Армии начали работу ещё в 60-ые годы XX века. В 80-ые годы XX века начинает оформляться подобная работа в Удмуртии, в связи с появлением республиканского молодежного общественного объединения «Долг». В 90-ые годы появляется Глазовский поисковый отряд «Новый Феникс». Сегодня история поисковых отрядов - это не просто самостоятельные усилия чудаковатых энтузиастов. Она уже интересует профессиональных историков и педагогов, а в перспективе может заинтересовать представителей разных гуманитарных наук – этнологов, культурологов, политологов и социологов, и др. Поисковое движение с момента своего оформления до сегодняшнего дня создало внутри себя специфическую субкультуру со своей историей и мифологией, которая, безусловно, заслуживает отдельного рассмотрения, как в контексте изучения истории Великой Отечественной войны, так и отдельно, как уникальная молодежная субкультура. [2, с.22-31].

Не секрет, что этнология (этнография), как наука, фиксирует сегодня процесс «угасания» традиционного, классического фольклора, и сама «уходит с поля» в города или даже в виртуальное пространство социальных сетей. Это естественно, ведь сегодня на земле остается все меньше регионов, где еще можно услышать аутентичные народные песни, традиционные сказки из прошлого, исполнение того или иного обряда в естественных условиях. Однако, это «угасание» классических фольклорных жанров происходит весьма неравномерно. Активно уходят из обывательской повседневности традиционные жанры (обрядовые действия: традиционные праздники, танцы и песни, сказки и заклинания), но другие жанры (анекдоты, байки и былички, городской неофольклор) более приспособленные к современным реалиям, благодаря своей «композиционной эластичности» и отсутствию весомых религиозно-мифологических обоснований, обнаруживают свою состоятельность и активное развитие. Действительно, если обратиться сегодня к жанрам актуального фольклора, то можно увидеть, насколько популярными оказываются сюжеты политической и социальной мифологии: теории заговоров, городские легенды, этнические анекдоты, армейские или студенческие байки и другие образцы так называемой «неофольклорной» прозы [3, с. 6]. Под этим именем сегодня скрывается пестрый набор слабо структурированных текстов, доминантой которых является информативная функция, а значит и претензия на определенную достоверность, например, о подвигах прадеда-фронтовика или истории, порожденные в экспедициях альпинистов, археологов, поисковиков. Независимо от специфического содержания текста, его обязательной составляющей остаются традиционные по структуре краткие рассказы, передающие некоторую специфическую информацию. Как правило, речь идет о невероятных случаях, чудесах, неожиданных встречах с удивительными, мистическими сторонами бытия, контактах с персонажами потустороннего мира (призраки, души умерших и пр.). Приведем примеры таких традиционных кратких рассказов.

Первый пример: *«Старики в нашей деревне рассказывали, что после Великой Отечественной войны это было. Во многих домах, в деревнях видели сгорбленную фигуру*

женщины в белых одеждах. Говорят, это Смерть к людям приходила!» [4]. Как мы понимаем речь идет о военной поре, о сложном времени, когда страх и неопределенность действительности поднимала из глубин сознания крестьянина модели религиозно-мифологического восприятия действительности.

Второй пример: *«По ночам у нас в деревне слышались странные звуки в домах, так, как будто плакал кто-то или стонал. Жильцы домов и молитвы читали и из ружей стреляли прямо в доме, туда, где фигура появлялась или звуки странные. Может это домовый был, а, может, и души умерших приходили»* [5].

Естественно, в современной действительности в большей степени оформляются сюжеты, для классического репертуара совсем нетипичные. Например, истории о различных «аномальных явлениях», встречах с НЛО, рассказы о «снежном человеке» и «полтергейсте». Среди поисковиков, работающих в специфических условиях (болото, лес) и со специфическим материалом (человеческие останки) такие сюжеты привычны. Как правило, это краткие рассказы, в которых речь идет о невероятных случаях, чудесах, неожиданных встречах с мистическими сторонами бытия, контактах с персонажами потустороннего мира, о чудесах во время войны, о мистике в военное или послевоенное время. В этнографии такие рассказы известны как былички – образцы фольклорного жанра несказочной прозы, рассказывающие «о встрече со сверхъестественным персонажем или явлением. Коммуникативная установка былички - удовлетворение потребности человека в необычном и необъяснимом. Чаще всего она рассказывается от первого лица и носит характер свидетельского показания: рассказчик или сообщает о пережитом им самим случае, или ссылается на авторитет лица, от которого он об этом слышал» [6].

Вот типичный пример, фрагмент из небольшого рассказа-фэнтези в сети Интернет: *«Когда я первый раз с поисковиками поехал в экспедицию, так в первую ночь ко мне солдат во сне пришёл и сказал: «Холодно мне, завтра кости мои под той берёзкой найдешь и фляжку мою, капни тогда в неё чуток спирта для сугрева». Сказал и на берёзку рукой указал. Утром я эту берёзку увидел, там его кости и откопал. Похоронили этого солдата с фляжкой, спирта я туда капнул, хоть обычно мы так не делаем. Вот так желания духов теперь и выполняю»* [7].

Для современного фольклора поисковиков характерны сюжеты, когда «холодеют руки от страха» или «по коже бегут мурашки», поскольку, особое место в их фольклоре занимают истории о призраках и душах умерших. Принято считать, что копателям, приехавшим с целью проводить (согласно принятой традиции) в последний путь солдат, сопутствует почти мистическая удача. Души погибших бойцов словно помогают таким следопытам. Например, «выводят заблудившихся, показывают место, где нужно искать. Нередко поисковики узнают, где нужно копать, во сне. Однако порой они сталкиваются с подсказками и наяву. Например, слышат окликающие их голоса, крики, звуки битвы, стоны, ощущают посторонний взгляд. Иногда призраки являются копателям в виде известных по народным преданиям «блуждающих огоньков». Бывают и чётко видимые картины горящих костров или даже фигуры солдат. Подобные образы, как правило, возникают в тумане или сумерках. Призраки как будто целенаправленно указывают на место своего захоронения... Поисковики верят в такие знаки, они не раз себя подтверждали. Возможно, на этом месте были останки, но отыскать это дерево позже так и не удалось». Все эти явления можно списать на впечатлительность, нервные перегрузки, а также на то, что называется «поисковым синдромом» (чувство вины, тоска, постоянное мысленное возвращение к местам раскопок). Однако нельзя не отметить, что сформировавшаяся в последние десятилетия субкультура поисковиков во многом воспроизводит отношение к «миру мёртвых», характерное не для постиндустриального, а скорее для традиционного общества» [8].

Часто такие «истории об удивительном» сочетают мифологическую основу древней сказки с современной действительностью. Приведем иллюстрирующий пример: *«Некоторую помощь в поиске способны оказать и «экстрасенсы», люди, которые умеют отыскивать воду по проломам и пустотам в земной породе. Для этого они используют специальные*

«рамки». Видимо, они видят картину боя и иногда довольно точно указывают на места залегания останков в болоте или в дремучем лесу» [9]. Бережное, почти мистическое обращение со средой обитания предохраняет людей от вредоносного вторжения в их жизнь.

Кроме того, характерная для былички «одухотворенность пространства притягательна для мышления современного человека, так как позволяет ему чувствовать свою нерасторжимую связь с миром, мистическую слитность с ним» [10]. Таким образом, отличия современных текстов актуальной мифологии от традиционных быличек, несмотря на разные эпохи, по сути, незначительны. Разница, прежде всего, в использовании околонучной терминологии.

Сегодня, дабы придать своей информации подобие достоверности, этим пользуются модные блогеры в сети Интернет и популярные ведущие, журналисты на ТВ и радио. Впрочем, за псевдонаучными теориями об «инопланетных рептилоидах», «плоской земле», «неизвестных погибших советских космонавтах», «тайне экспедиции Дятлова», угадываются привычные для этнографа сказочные сюжеты, весьма устойчивые на фоне быстро трансформирующейся картины мира современного человека. Не секрет, что простые запоминающиеся краткие рассказы могут при определенном старании превратиться в устойчивую мифологию для оформления в стереотип социальной или политической мифологии современности. А здесь уже открывается проблемное поле не только для этнографов и культурологов, но и для социологов и политологов. Например, сегодня феномен мифологизации памяти о Великой Отечественной войне проявляется не только в фильмах и книгах о войне, но и в некоторых патриотических акциях, в современной праздничной обрядово-ритуальной практике светского государства. [11].

Ответ на вопрос, почему элементы мифологического сознания сохраняются в современном глобальном мире прост. Дело в том, что основной формой жизненной активности человека является разнообразная деятельность по творческому преобразованию окружающего мира. Игра, создание условного мира – одна из форм такой деятельности. В узком смысле, это набор установок, слов и действий, регламентированных определенным и строгим набором правил. Игра, в широком смысле слова, это специфическая форма жизнедеятельности, ассоциирующаяся не с повседневной работой, а с отдыхом, с определенной сменой деятельности. В таком виде она сочетает в себе следующие обязательные элементы:

- 1) реальная активность (как правдоподобный фон);
- 2) собственно виртуальная реальность, мир допущений и фантазий на фоне правдоподобности.

Другими словами, в игре нет достоверности истинной, но оформляется достоверность условная, игровая. В ней предметы вещного мира и поступки людей являются носителями специфических (игровых) значений. Условные «игроки» манипулируют этими «значимостями» в строго ограниченном поле субкультуры. В разных группах разные формы взаимодействия, разные игры. Например, в детском саду это и «прятки-ляпки», и «салки-скакалки». В вузе или у военных другое игровое пространство. У студентов это стройотряды и «выезды на картошку». В армии таковыми являются, например, «мобилизационные игры», войсковые учения, где «условные противники» делятся на «красных и синих», на «северян и южан». Естественно, что место специфическому «игровому пространству» найдется и у поисковиков. Почти магическим образом поисковая работа, как часть военной археологии, позволяет нам преодолеть дистанцию во времени и пространстве, вскрывая и фиксируя свершившиеся факты прошедшей войны. В разное время поисковую работу насыщали различными смыслами и прочтениями (от «черных гробокопателей» до преданных союзников общероссийского волонтерского движения. Впрочем, работа, начатая энтузиастами еще в СССР, по большому счету, никогда не воспринималась исторической наукой серьезно. Даже туристы, барды и прочие «неформалы» интересовали историков и культурологов больше, чем поисковики [12]. Между тем, за годы существования поисковых отрядов в их среде сложилась своя история и мифология, традиции передачи из поколения в

поколение своих «историй об удивительном». Основная идея таких рассказов в диффузном проникновении мертвых в мир живых и наоборот. В первом случае человек является лишь сторонним наблюдателем происходящего. В большинстве подобных ситуаций он просто наблюдатель, фиксирующий и фантазирующий яркие картинки из прошлого. Приведем иллюстрирующий пример: *«Мы со своим товарищем отправились ближе к вечеру на старую гать, за скобами, то ступив на ветхие бревна, посреди болота, почувствовали на себе взгляды кого-то, и чем дальше они уходили вглубь леса, тем явственнее было присутствие неведомых нам сил, словно, души умерших солдат. А может быть, это дикие звери наблюдали за нами из леса»* [13]. Ещё один типичный пример: *«Однажды, оставшись на биваке дежурным, я принялся разводить костер и спиной чувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Это не могли быть мои товарищи, ведь они разбрелись по лесу. Обернувшись на мгновение, я увидел фигуру красноармейца. Тот сидел в каске, курил и смотрел на поисковика. Фигура солдата показалась черно-белой, как выцветшая фотокарточка военной поры. Ещё мгновение и видение исчезло»* [14].

А во втором случае человек становится активным участником событий, случившихся много лет назад. Приведем пример: *«Дело было в далекие 80-е годы прошлого века. Несколько студентов-историков из Ленинграда решили «потрофеить хабор», поискать разные интересные вещицы на местах бывших сражений. Благо далеко ехать не надо. Весь день работали, копали на бывших немецких позициях. Ничего не нашли. Один от отчаяния череп с собой прихватил немецкого офицера. Через некоторое время офицер этот стал приходить к нашему студенту. Верни, говорит, мою голову на место. Студенту страшно. Долго терпеть не смог. Привез череп обратно на болото. Положил туда же, где и взял. Смотрит, а рядом сверкнуло что-то. Копнул чуть-чуть, а это перстень эсэсовский, серебряный»* [15]. А это другой пример: *«Был паренек один среди поисковиков. Уж больно вредный был: работал плохо, а ел много. Ну и командир их отряда, кстати, женщина. В сердцах однажды и обронила: Да, чтоб ты три дня из окружения выходила». Сказала и забыла. А паренек тот к вечеру в лагерь не вышел, видимо, заблудился. Три дня его и искали, а потом нашли. Весь ободранный и перепуганный сидел в яме под деревом. Тут, говорит, солдаты лежат и много, я сам видел. И рассказал, как он очутился в прошлом. На местах боев вместе с солдатами Красной Армии. Рассказал, как они три дня из окружения выходили, да многие не вышли, тут вот в яме этой и лежат»* [16].

Как мы видим в предложенных текстах ярко проявляется базовая функция мифологического мышления, для которого чрезвычайно важна идея взаимовлияния «этого» и «иного» миров, двойной природы мироустройства и всех населяющих его существ. Из этой двойственности с её повседневностью – с одной стороны, и святостью идей поисковой работы – с другой стороны, вытекает возможность внезапной «оборачиваемости» окружающей действительности, проявлений в ней потустороннего. Такая «оборачиваемость» многим не нравится: святая теоретическая идея «захоронить последнего солдата» на деле сталкивается с отсутствием серьезной научной методологической составляющей, непростой бытовой обстановкой: жизнь у костра в палатке, часто в холоде и сырости, рядом с болотом разрушает наивные представления «диванного эксперта» о том, что «нет преграды патриотам». Собственно, уже это становится первым этапом жесткого (вполне себе архаичного, по сути) отбора для тех, кто в дальнейшем посвятит себя поисковой работе. Не секрет, что специфика поисковой работы в экспедиции, в лесу не исключает большого процента случайности при поиске тел. Так, например, на болотистой местности с вязким грунтом и высоким слоем дерна щупы и металлоискатели практически беспомощны. В таких случаях говорят «ищи сердцем», «иди туда, куда тебя тянет». Зачастую эти методы оказываются наиболее действенными, и это при том, что сегодня в арсенале поисковиков есть металлоискатели, GPS-навигаторы, иные электронные девайсы.

Другие примеры оборачиваемости сближают «актуальную мифологию» поисковиков с классическими фольклорными, сказочными образами. Яркое свидетельство тому в феномене, который в сказках, в традиционной мифологии известен, как леший – лесной

хозяин, лесной дух. Близкий по своему функционалу и специфике с болотным духом, или духом водного источника, или поля. Он как-бы «водит» человека, «заставляет его» блуждать в лесу. Приведем типичный пример: *«При поиске, на болотистой местности, с вязким грунтом и высоким слоем дерна, щупы и металлоискатели часто беспомощны. В таких случаях «ищи сердцем», «иди туда, куда тебя тянет». Зачастую эти методы наиболее действенны. Добрым знаком для наблюдательного поисковика считаются молодые березки, выросшие на месте прошедшего боя. Под ними обычно лежат останки бойцов. Известно, что молодые березы быстро вырастают на месте прежних пожаров»* [9]. Кроме наблюдений из курса ботаники, по рассказам, записанным у поисковиков, случаются у них и яркие слуховые и зрительные галлюцинации. Перед глазами вполне себе реального поисковика проплывают нереальные картины боя прошедшей много лет назад военной операции. Такие и подобные истории известны и зафиксированы специалистами [17, с. 100–101].

Специфика пространственной организации «поисковой былички» состоит в противопоставлении между осязаемым представленным в тексте пространством с воображаемым мыслимым целостным пространством, в котором воспринимает себя человек. Таким образом, с одной стороны, время и пространство каждого текста является ограниченным, замкнутым, четко локализованным. С другой стороны, в рассказах поисковиков «воссоздается бесконечный континуум мозаичного мира, где непрерывно осуществляется действие демонических сил. В результате былички транслируют чувство мистического единения человека с обозримой (и необозримой) вселенной, актуализируют одновременно любопытство и страх перед непонятным, необъяснимым, а потому потенциально опасным миром» [10].

Небезынтересно в этой связи вспомнить современные фильмы-мистификации по мотивам таких, либо подобных историй. Вообще, современное кино можно назвать одним из ярких и действенных инструментов формирования и сопровождения актуального мифотворчества. С одной стороны, сегодня при создании фильмов активно используются информационно-коммуникационные, виртуальные технологии. С другой стороны, «игровое пространство» на экране предполагает присутствие каждого зрителя в качестве реального соучастника такого иллюзорного мира, например, в кинотеатрах с дополненной реальностью. Человек, благодаря технологичным устройствам, оказывается включенным в контекст этой реальности, которая диктует ему систему норм и правил, а в некоторых случаях, становится составной частью его внутреннего и внешнего мира. Одной из особенностей современной экранной культуры является порожденное ею искажение реальности. Современный экран, продолжая фрагментарно или глобально запечатлевать знаковый опыт человечества тем самым, приспособливает зрителя к мифологизированному экранному миру [18]. Типичными примерами таких «виртуальных экранных мистификаций» становятся фильмы о войне: «Мы из будущего» - российский фантастический боевик о путешествиях во времени «черных копателей» (2008 г.). «Туман» - российский фантастический телефильм о «путешественниках во времени», попавших на войну (2010 г.). «Белый тигр» - российский полнометражный военно-фантастический художественный фильм «про танчики» (2012 г.). Похожие рассказы о взаимопроникновении из прошлого в настоящее (и наоборот), об общении живых с умершими (и наоборот) существуют и у других коллективов людей, сведенных вместе единой целью. Примеры есть у туристов, альпинистов, военных. Например, предания «о пропавшей экспедиции» [19], «о черном альпинисте» [20], «о диком прапоре» среди военнослужащих срочной службы [21], о «танке-призраке» среди солдат федеральных войск во время контртеррористических операций на Северном Кавказе [22]. В таких историях подчеркиваются элементы и сюжеты, характерные только для конкретной субкультуры, коллектива единомышленников. Это своеобразные «ключи для замков культурного кода». Былички о призраках, «о душах солдат», например, играют социализирующую роль в поисковом братстве, готовя к встречам с неприятными моментами (следы боя, останки, например) на психологическом уровне. Как правило,

человек, знающий определенные «правила игры», будет вхож в любой поисковый отряд. Приведем, как доказательство, свидетельство одного из поисковиков: *«Такие истории «о человеке, три дня выжившем из окружения», «о студентах-историках, потревоживших череп немецкого офицера», «про отряд, появляющийся из болота и исчезающий в нем», «про солдата, просившего закурить», про химические заряды в воронке и т.п., известны большинству поисковиков в любом регионе страны. Это своеобразные исторические анекдоты. Их слушать и интересно, и забавно, и поучительно»* [16]. В поисковых быличках привычная пара «свой» - «чужой» (где «чужой» - это не только необычный, но и враждебный) преобразуется в пару «свой» - «иной». Различие между этими бинарными позициями значительно: «чужое» обычно воспринимается как опасное отклоняющееся от норм и стандартов «своего», а значит, квалифицируется как неприемлемое для человека и оценивается негативно; «иное» - это другое, отличающееся от «своего», но имеющее право на существование, оно заслуживает уважения к себе. Именно с этих позиций строятся взаимоотношения человека с представителями «низшей» демонологии. Главное, о чем должен помнить человек, находящийся на пограничье времени и пространства: нанося вред месту обитания духа, он наносит вред самому духу» [10].

В повседневности человек постоянно использует язык условных знаков и символов, и это не специальная или случайная область, а ежедневная практика, когда роль символов и знаков состоит в выражении определенной мысли или идеи. Подобные ощущения знакомы поисковикам, археологам, геологам, туристам, другим людям, кому волею случая посчастливилось слушать «страшилки» у костра, а тем более переживать их. Люди, принадлежащие одному культурному сообществу, прекрасно понимают друг друга, поскольку «оперируют в разговоре общей для них системой образов» [23, с. 21]. Собственно, через современные былички проявляются в сознании нашего современника основные функции традиционного мифа, такие как:

1. социально-интегративная функция, поскольку с помощью мифа происходит процесс интеграции индивидов в социум. Это справедливо не только для государств и этносов, но и для представителей субкультур;
2. нормативно-регулятивная функция: мифология служила в данном случае заменой еще не возникших формализованных общественных и правовых институтов. Для общественных организаций, которыми и являются официальные поисковые отряды, характерна определенная неформальность;
3. сакральная функция: миф несет в себе заряд сверхъестественного, представление о запредельной действительности, качества которой наделяются чудесной силой, что приводит к созданию мифологических образов, различного рода сверхъестественных существ - демонов, духов, богов [24]. В этом ряду особенными для поисковых «рассказов об удивительном» станут образы Смерти, Солдата, Войны.

Говоря о специфике кратких историй членов поисковых отрядов из Удмуртии, мы не можем говорить о каком-то особом их своеобразии. На существование типичных историй, которые кочуют из отряда в отряд, не оказывают никакого влияния ни национальность рассказчика, ни его региональная идентичность. А общие представления о «березах на стихийных могилах», о «местах куда тянет», о местах «куда зовет сердце», о «солдатских душах-журавлях» существуют в большинстве поисковых отрядов в России.

Кроме основных направлений деятельности можно выделить еще одну особенность поиска – такая работа ставит простых людей в положение исследователей, а поле боя выступает не только как «условное игровое пространство», но и как наглядный источник для изучения отдельных эпизодов военной истории [25, с. 63–77].

Спустя 76 лет после окончания самой кровопролитной и страшной войны в истории человечества, через 80 лет после её трагического начала, сотни тысяч защитников нашей страны всё ещё лежат непогребенными на местах боев. И, несмотря на пополняющиеся электронные базы данных, рассекреченные архивные материалы до сих пор родные и

близкие многих солдат не знают о судьбах своих родных, которым пришлось защищать свою Родину и погибнуть на той жестокой и страшной войне. Иногда им на помощь приходят поисковики, приоткрывающие «завесу тайны» над жизнью и смертью конкретного красноармейца. Таким образом, поисковая работа представляет собой сложный комплекс различных направлений деятельности, который может (в определенной степени) заполнить духовный вакуум современного российского общества, и кроме того, предоставляет актуальную информацию по отдельным эпизодам войны для ее дальнейшего введения в научный оборот профессиональными историками.

В качестве подтверждения сделанным выводам, своеобразным приложением к статье, предлагаются ответы поисковиков на вопросы по теме исследования. Запись интервью сделана летом 2020 года в г. Ижевске.

Вопрос 1. В чём заключается церемония посвящения в поисковики? Есть ли особый ритуал, определенная последовательность в церемонии?

Ответ: У всех это по-разному это проходит. Многие элементы приходят или из армии, или из археологических и этнографических студенческих практик.

Вопрос 2. Есть ли какие-то приметы, суеверия у поисковиков?

Ответ: В разных отрядах, удивительное дело, похожие правила. Во всем нужно соблюдать меру и осторожность. Они связаны с возможными нарушениями ТБ. Кроме того, важно понимать особенности работы в лесу или на болоте: змеи, насекомые, погодные условия, дикие звери и люди, открытый огонь, специфическая вода и еда, минимум санитарно-гигиенических норм и бытовых удобств, жизнь в палатке, у костра.

Вопрос 3. Какие байки, рассказы о мистических встречах вы слышали от других поисковиков?

Ответ: Есть такие истории. Одни рассказывают, что случаются у некоторых слуховые и зрительные галлюцинации. Другие рассказывают, что перед ними проплывают картины боя. Или рассказывали, что кто-то общался с призраками, душами солдат. Но, это может быть и т усталости, от нервного перенапряжения. Опять же звук по озеру, в лесу или на болоте по-разному разносится.

Вопрос 4. Снятся ли поисковикам место, где нужно искать останки, приходят ли к нему души умерших солдат? Видит ли поисковик вещие сны?

Ответ: Что-то слышали про это. Но сами не приходилось испытывать.

Вопрос 5. Меняется ли погода в зависимости от того, сколько бойцов обнаружено? Например, как знак скорби о погибших, начинается дождь или поднимается порывистый ветер.

Ответ: Нет! Погода меняется от времени года, от особенностей местного климата и конкретной территории.

Вопрос 6. Видели ли вы пролетающих над братскими могилами журавлей? Ассоциируется ли это с образом «души-птицы»?

Ответ: Видели, но это связано с сезонными перелетами птиц. Нет здесь особенной мистификации, связанной с душами умерших солдат!

Вопрос 7. Почему принято искать останки под березами на болоте? Как вы думаете, души погибших солдат живут в берёзах?

Ответ: История про активный рост берез над местом гибели солдат известна. В принципе, она имеет свое рациональное объяснение. Как правило, семена этого дерева хорошо приживаются и прорастают на местах пожаров, в золе. А если к этому прибавить органический субстрат и другие благоприятные условия для роста, то это лишь ускорит процесс развития дерева.

Вопрос 8. Слышали ли вы о помощи или наказании небесными силами (богами, ангелами) за работу с человеческими останками, артефактами?

Ответ: Ничего особенного не слышали. Что-то читали подобное в специфической научной литературе о современном фольклоре.

Вопрос 9. Ощущаете ли вы себя находящимися ближе своих современников (сверстников) к Великой Отечественной войне?

Ответ: Может быть. В лесу, на торжественном захоронении, на закрытии» Вахты памяти» это больше ощущается, а «на гражданке» не ощущается почти. С другой стороны, у разных людей, в зависимости от возраста и убеждений, различное отношение к майским праздникам.

На вопросы отвечали:

- Гафуров Александр Викторович (1983 г.р.) в студенческие годы член поискового отряда «Новый Феникс» (г. Глазов, Удмуртская Республика). В настоящее время педагог, участник поискового отряда «40-й артдивизион» (г. Сарапул, Удмуртская Республика).
- Кузнецов Антон Михайлович (1983 г.р.) в студенческие годы член поискового отряда «Новый Феникс» (г. Глазов, Удмуртская Республика). В настоящее время педагог, участник поискового отряда «40-й артдивизион» (г. Сарапул, Удмуртская Республика).

1. Сальников А.А., Оборский А.Ю. Миф как мировоззренческая парадигма военнослужащих современной Российской армии // Власть. 2011. №12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mif-kak-mirovozzrencheskaya-paradigma-voennosluzhaschih-sovremennoy-rossiyskoy-armii> (дата обращения: 17.04.2021).
2. Касимов Р.Н. Изучение истории поискового движения (на примере Удмуртии) // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. № 1 (8). 2020 год. С.22-30.
3. Неклюдов С. Ю. Образы потустороннего мира в народных верованиях и традиционной словесности // Восточная демонология. От народных верований к литературе. М., 1998. С. 6–44.
4. ПМА. Касимов Минхат Шабганович, уроженец д. Кестым Базинского р-на УР, татарин. Запись 2005 г.
5. ПМА. Касимов Лутфулла Ясавиевич, уроженец д. Кестым Базинского р-на УР, татарин. Запись 1996 г.
6. Голованов И.А. Проблема жанровой дифференциации несказочной прозы: коммуникативный аспект // Вестник ЧелГУ. 2008. №36. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-zhanrovoy-differentsiatsii-neskazochnoy-prozy-kommunikativnyy-aspekt> (дата обращения: 17.04.2021).
7. Зыкова Е. Мистика в жизни поисковых отрядов [Электронный ресурс] // XVI Международный литературный конкурс «Весенний Пролёт Фантазии 2016», 2016. URL: https://fancon.ru/2016v_mistika_v_zhizni_poiskovykh_otriadov/ (дата обращения: 17.04.2021).
8. Сагдиев Т. По каким приметам поисковики ищут могилы погибших красноармейцев [Электронный ресурс] // Сайт «Русская Семёрка». URL: <https://russian7.ru/post/po-kakim-primetam-poiskoviki-ishhut-mogily-pogibshih-krasnarmeytsev> (дата обращения: 23.05.2021).
9. ПМА. Ивлёв Игорь Иванович. Командир поискового отряда «Разведка» г. Архангельск. Запись 1999 г. П/о «Новый Феникс», Карелия.
10. Голованов И.А. Специфика пространственной организации жанра былички // Вестник ЮУрГТТУ. 2009. №8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-prostranstvennoy-organizatsii-zhanra-bylichki> (дата обращения: 17.04.2021).
11. Воронцов В.С., Касимов Р.Н. К вопросу бытования некоторых современных фольклорных сюжетов, связанных с Великой Отечественной войной // Вестник экономики, права и социологии. 2015. №4. С. 297-299.
12. Гурин Д. А., Виноградова А. И. Место субкультуры в современном культурном пространстве [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2011. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-subkultury-v-sovremennom-kulturnom-prostranstve> (дата обращения: 02.05.2020).
13. ПМА. Кутявин Тимур Сергеевич. Командир поискового отряда «Новый Феникс» г. Глазов. Запись 1999 г. П/о «Новый Феникс», Карелия.
14. ПМА – Полевые материалы автора. Гафуров Александр Викторович. Поисковик отряда «Новый Феникс» г. Глазов. Запись 2001 г. П/о «Новый Феникс», Ленинградская область, район Синявинских высот.
15. ПМА. Титов Павел Иванович. Поисковик отряда «Разведка» г. Архангельск. Запись 2001 г. П/о «Новый Феникс», Ленинградская область, район Синявинских высот.
16. ПМА. Симанов Юрий Александрович. Командир п/о «Новый Феникс» г. Глазов. Запись 2002 г. П/о «Новый Феникс», Карелия.

17. Касимов Р. Н. Специфика формирования и бытования мифологического сознания: от традиционной культуры к современности // Актуальные вопросы изучения военной истории / Иднакар: методы историко-культурной реконструкции: научно-практический журнал. 2014. № 5(22). С. 96–110.
18. Огурчиков П. К. Экранная культура как новая мифология // Аналитика культурологии. 2009. №14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekrannaya-kultura-kak-novaya-mifologiya> (дата обращения: 17.04.2021).
19. Молочников В. Баллада, о пропавшей экспедиции... [Электронный ресурс] // Стихи.ру. URL: <https://stihi.ru/2019/12/26/1451> (дата обращения: 02.05.2020).
20. Ферапонтов И. Е. Современный городской фольклор. Демонологическая проза туристов (по записям 1996–2000 гг. в г. Ульяновске) [Электронный ресурс] // ОГИ «RUTHENIA». URL: <http://ruthenia.ru/folklore/ferapontov3.htm> (дата обращения: 02.05.2020).
21. Легенда о Черном Прапоре... / Никнейм «Кибальчиш» [Электронный ресурс] // Форум «33В.ру». URL: <http://forum.33bru.com/topic1915774> (дата обращения: 23.05.2020).
22. Пожидаев И. Танк-призрак: сколько российских солдат он спас в Первой Чеченской войне [Электронный ресурс] // URL: forum.33bru.com/topic1915774 (дата обращения: 02.05.2020).
23. Гутенбюль-Крейг А. Наивные старцы Анализ современных мифов. Пер. с нем. С. С. Панкова; науч. ред. В. В. Зеленского. Спб.: Б.С.К, 1997. 96 с.
24. Огурчиков П. К. Мифология как качество современной культуры // Аналитика культурологии. 2013. №25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mifologiya-kak-kachestvo-sovremennoy-kultury> (дата обращения: 17.04.2021).
25. Гафуров А. В. Быт и повседневная жизнь бойцов Красной Армии в годы Великой Отечественной войны // Актуальные вопросы изучения военной истории / Иднакар: методы историко-культурной реконструкции: научно-практический журнал. 2014. № 5(22). С. 63–77.

Максимов С.Н.

Применение научных достижений школы анналов на современном этапе

*Среднерусский гуманитарно-технологический институт
(Россия, Подольск)*

doi: 10.18411/trnio-10-2021-158

Аннотация

В статье рассматривается одно из направлений третьего поколения школы «Анналов» - концепции серийной истории и применение положений данной концепции в современных исторических исследованиях.

Ключевые слова: серийная история, серия, школа «Анналов».

Abstract

The article considers one of the directions of the third generation of the "Annals" school-the concept of serial history and the application of the provisions of this concept in modern historical research.

Keywords: serial history, series, school of "Annals".

Одной из ведущих исторических школ современного мира является школа Анналов. Основанная в 1929 году историками М. Блоком и Л. Февром, сплотившаяся вокруг журнала «Анналы» школа и по сей день вносит свой неоценимый вклад в изучение истории.

Одним из направлений деятельности школы является концепция «серийной истории». По словам Трубниковой Н.В.: «Под влиянием возможностей квантификации исторического материала, продемонстрированных еще в 1950-1960-х гг. школой Лабрусса, а также благодаря многообещающему потенциалу компьютера, родилась...«серийная» история» [3.С.162].

Определение «серийная история» придумал исследователь П. Шоню.

В статье Жоржа Дюби, посвященной проблемам серийной истории данное направление определяется как история, которая представляет собой решительное, с научной